

Р. Ш. ДЖАРЫЛГАСИНОВА, М. Ю. СОРОКИНА

**Академик Н. И. Конрад:
неизвестные страницы биографии
и творческой деятельности**

Творческая деятельность академика Н. И. Конрада (1891 — 1970), его выдающиеся достижения в области изучения филологии, истории культуры и этнографии народов Восточной Азии, в первую очередь Японии, Китая и Кореи; его оригинальные сравнительно-культурологические исследования по проблеме «Запад—Восток»; его вклад в развитие теории и истории мировой культуры — блестящие страницы нашей науки.

Между тем полная научная биография Н. И. Конрада пока еще не написана¹. Перипетии судьбы ученого неотделимы от истории духовных взлетов и падений, прозрений и ошибок, борьбы и примирения того поколения российской интеллигенции, на долю которого выпало труднейшее испытание — испытание жизнью на переломе эпох, культур, систем. За внешним благополучием его научной карьеры — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент, академик АН СССР, основатель и глава советской школы японистики, автор многочисленных книг и статей, получивших широкое признание в отечественной и мировой науке, по-прежнему кроется еще много неизвестного. Хотя необходимо отметить, что список работ, посвященных Конраду, значителен². Важным этапом в изучении его творческой биографии стал выпуск книги «Н. И. Конрад. Неопубликованные работы. Письма», подготовленный Архивом Российской Академии наук³.

И все же о многом в непростой, а порою трагической судьбе Н. И. Конрада сегодня приходится только догадываться. Некоторым неизвестным или малоизвестным страницам биографии и творческой деятельности Н. И. Конрада и посвящают авторы свою работу.

* * *

Н. И. Конрад родился 1(13) марта 1891 г. в Риге в семье железнодорожного служащего⁴. Еще в гимназические годы (а учился

он в гимназии Императора Николая I) у него пробудился интерес к Востоку, к Китаю и Японии. В отличие от многих других востоковедов петербургской школы, импульс к изучению Востока пришел к молодому Конраду не из книжных древности, а из остроты современных ему социальных коллизий. «Все же почему меня заинтересовали именно языки Дальнего Востока — китайский и японский? — вспоминал Н.И.Конрад. — Ответ простой: Китай и Япония были теми двумя странами, которые властно вошли в мое сознание с первого же момента, когда это сознание стало играть свою роль в моей жизни... В моей семье бывали "Нива", "Вокруг света", "Природа и люди", последние два журнала считались юношескими и выписывались для меня. И вот в 1900 г. эти журналы были заполнены... Китаем: это был год "Боксерского восстания", "Пекинского сидения", т.е. осады восставшими посольского квартала, когда дипломаты и члены иностранных колоний вынуждены были строить баррикады и учиться держать в руках оружие. Журналы, помещая, конечно, военные снимки, гораздо больше места отводили "географии и этнографии", т.е. описаниям жизни и быта Китая того времени. Так я уже на самой заре своей сознательной жизни узнал про Китай.

За Китаем последовала Япония. Это случилось скоро — через четыре года: в 1904 г. началась русско-японская война... В связи с этой войной о Японии стали писать не только "тонкие" иллюстрированные журналы, но и "толстые"; начали издаваться книжки о "Японии и японцах", как многие из подобных изданий назывались. С окончанием войны эта литература не только не исчезла, но даже стала расти, главным образом — за счет переводов... Тем самым к окончанию гимназического курса, т.е. к тому моменту, когда должен был произойти выбор дальнейшего пути, вопрос для меня был решен: буду изучать Японию и Китай⁵.

Осенью 1908 г. Н.И.Конрад поступил на японско-китайское отделение Факультета восточных языков Петербургского университета. Здесь преподавали его будущие старшие коллеги — тогда еще приват-доцент, в дальнейшем академик (1929 г.) В.М.Алексеев, профессор (академик, 1921 г.) И.Ю.Крачковский, уже академики Н.Я.Мартр и В.В.Бартольд. Параллельно юноша слушал лекции на Историко-филологическом факультете Университета. С 1909 г. Н.И.Конрад стал также заниматься японским языком в Практической восточной академии, где одним из его руководителей был выдающийся русский японист Д.М.Позднеев (1865 — 1937)⁶.

В 1912 г. Н.И.Конрад оканчивает Факультет восточных языков и Практическую академию. «И тут вмешался тот самый

"случай", а может быть — и "судьба", — вспоминал ученый. — Русско-японское общество — полуофициальное, полубытовое учреждение — решило послать в Японию для изучения этой страны двух "подающих надежды" молодых людей из числа окончивших факультет⁷. Всего два месяца провел Н.И.Конрад в Японии в 1912 г., но они заложили солидный практический фундамент его будущей деятельности.

По возвращении из Японии в 1913 г. Н.И.Конрад опубликовал первую научную работу, посвященную японской начальной школе⁸. В том же году началась его педагогическая деятельность: в Киевском коммерческом институте он читал лекции по китайскому и японскому языкам, по этнографии народов Китая и Японии. В 1914 г. Н.И.Конрад вернулся в Петербург и начал подготовку к профессорскому званию при Университете.

Накануне первой мировой войны, в июле 1914 г., он снова был командирован в Японию. Первоначально предполагалось, что командировка продлится только летние месяцы. Но возвратился он только через три года — в июле 1917-го. Во время этого пребывания в Японии Н.И.Конрад несколько раз посетил Корею, а также побывал в Китае⁹. Вернувшись в Петроград, Н.И.Конрад сдал магистерские экзамены по японской, китайской и корейской филологии, что открыло ему путь к преподаванию в Университете.

Однако уже к середине 1918 г. Конрад оказался довольно далеко от обеих революционных столиц — в провинциальном, хотя и губернском Орле, где жили его родители. Если осенью 1917 г. когда-то «милюковствующее и кадетствующее сердце» молодого япониста склонялось к поддержке эсеров — так сам Конрад в письме Н.А.Невскому определял направление своей политической эволюции¹⁰, — то с начала 1918 г., по-видимому под влиянием Е.Д.Поливанова, он тесно сотрудничает с Китайским советом рабочих депутатов в Петрограде, располагавшимся совсем близко от Университета и Академии наук — на 2-й линии Васильевского острова, а также работает с НКИД Л.Д.Троцкого — переводит на японский язык «Обращение к народам Востока» и «Обращение к трудящимся и угнетенным всего мира»¹¹. «Мы ведь теперь живем в стадии творчества, — убеждал он оставшегося в Японии Н.А.Невского, — творчества не только государственной жизни, но и личного индивидуального бытия, поскольку оно теснейшим образом связано с государством. И вот в этом творческом процессе необходимо, если участвовать и не активно, то мыслить, ибо в конце концов только она и творит действительное, действительное для всего своего существа. Без преувеличения могу сказать, что мы перерождаемся и я в том числе»¹².

Сам Н.И.Конрад так никогда и нигде не объяснил, что же именно заставило его покинуть Петроград в конце лета 1918 г. — отставка ли Е.Д.Поливанова из НКВД, начинавшийся красный террор или просто материальные трудности. Возможно, не последнюю роль в этом сыграла и атмосфера в Университете. Состав Факультета восточных языков в 1917/18 уч. г. был очень силен: здесь еще два раза в неделю преподавал современный японский язык и грамматику разговорного и письменного японского Сергей Григорьевич Елисеев (1889—1975) — первый европеец, получивший высшее образование в Японии (в 1912 г. он окончил Императорский университет в Токио со степенью бакалавра литературы, представив работу «О поэзии Басё, великого народного поэта Японии»), с которым Конрад провел вместе несколько лет в Японии; приват-доцент Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938) читал курс исторической грамматики японского языка, а Оттон Оттонович Розенберг (1888—1919) — введение в японскую филологию, историю религии и религиозно-философской литературы в Японии; китайский же разряд всецело находился в руках Василия Михайловича Алексеева (1881—1951) и Алексея Ивановича Иванова (1877—1937). При таком преподавательском раскладе место и перспективы Конрада в Петроградском университете были весьма неопределенны; он даже собирался снова уехать в Японию, но поездка расстроилась.

Зато в Орле, где было пока еще спокойнее и сытнее, он стал интенсивно преподавать в Пролетарском (позднее — Государственном) университете, а в 1920 г. даже возглавил его, став ректором (до 1922 г.). Под грифом Орловского университета в 1921 г. вышла вторая большая научная работа Н.И.Конрада — перевод и комментарии к японскому литературному памятнику «Записки из кельи» Камо-но Тёмэя¹³, многие темы и образы которого в исполнении Конрада были вполне созвучны переживаемому Россией лихолетью. Сохранившиеся в архиве Конрада планы и конспекты лекций, читанных им в Орле, — «Этническая психология», «Об истории культуры», «Об истории христианства», «Об истории философии», «Положение народоведения в ряду других наук», «Мифология животных», «Народоведение» и даже «Римское самодержавие и церковная жизнь Востока»¹⁴ — наглядно фиксируют совпадение культурологических и культуртрегерских склонностей Конрада-ученого с романтически-глобальным революционным настроением и духом времени и интересами его провинциальных слушателей. Кажется, к ним — этим рвущимся к знаниям представителям «новой» культуры — он был даже душевно более расположен, чем к людям своей «среды».

В это же время в Орле жили и работали М.М.Бахтин и М.И.Каган, но Конрад не только не сблизился с ними, а скорее разошелся. М.М.Бахтин, отвечая на сетования М.И.Кагана, писал ему в марте 1921 г.: «...мне кажется, что Вы слишком требовательны к русскому провинциальному Университету. Конечно, Орловский университет — авантюра, это ясно было с самого начала и не могло быть иначе; но уверяю Вас, что авантюрой, по существу, являются все без исключения русские провинциальные университеты, и это совершенно неизбежно, ибо настоящих академиков в России не хватает и на столичные университеты, в провинциальных же сидели в прежнее время чиновники с «гражданскими», но отнюдь не научными заслугами, которым до науки было не больше дела, чем орловскому Конраду, но были они даже зловредны и нетерпимы»¹⁵.

Между тем административные навыки, полученные в Орле, способность слушать и объединять людей очень пригодились Конраду, когда он вернулся в 1922 г. в Петроград. К этому моменту положение в японистике оказалось весьма драматическим. В 1919 г. умер О.О.Розенберг; оставался в Японии еще с дореволюционных времен Н.А.Невский; молодые коллеги Конрада по учебе и японской стажировке не приняли новую власть: Мартин-Готгард-Теодор Рамминг (1889—?), в сентябре 1917 г. став драгоманом русского посольства, уехал в Японию, оттуда в Германию (здесь он стал доцентом и профессором Берлинского университета, возглавлял Институт Японии; после войны руководил отделением японологии в университете им. Гумбольдта, избран членом немецкой АН); Орест В. Плетнер (1892—?), занимавшийся вопросами морфологии японского языка, также после сдачи в апреле—мае 1917 г. магистерских экзаменов поступил в МИД и уехал в Японию, где всю жизнь преподавал русский язык (в Осаке, Кобэ, Киото); С.Г.Елисеев после ареста в мае—июне 1919 г. через год — в сентябре 1920 г. бежал в Финляндию, став впоследствии профессором Гарварда и Сорбонны; Е.Д.Поливанов, не поладив со старой профессурой и новыми советскими хозяевами, уехал в Ташкент. Из известных специалистов-японистов помимо Конрада в Центральной России оставался только Олег В.Плетнер (1893—1929), профессорствовавший в Московском институте востоковедения. В соавторстве с Поливановым он написал первую научную грамматику японского языка, которая вышла в 1930 г. Кадров японистов — преподавателей, переводчиков, исследователей — практически не было; фактически институциональную структуру дисциплины надо было создавать заново.

Это оказалось тем более непросто, что петроградские востоковеды — классики старой школы вообще не очень-то признавали

японистику самостоятельным предметом. В.М.Алексеев вспоминал, что как-то С.Ф.Ольденбург, услышав от него об оставленном при Университете японисте, которого Алексеев усердно расхваливал, — а им был не кто иной, как Н.А.Невский, — скептически произнес: «У этого человека дурной вкус, ибо, пройдя курс китайской культуры, он увлекается лишь ее вариантом»¹⁶. Отношение ко «вторичной» японской культуре явно переносилось и на тех, кто ею занимался.

Кроме того, отрыв Конрада от Петроградского университета дистанцией почти в десять лет (Япония, гражданская война) сказывался и в том, что он как бы выпал из петербургского востоковедного клана в момент формирования там новых школ. «Это был тогда, — вспоминал Б.Филиппов, — очень замкнутый, очень своеобразный мирок, еще никак не разбавленный пришельцами из кругов марксизма-ленинизма»¹⁷. И в 1923 г. В.М.Алексеев констатировал, что «Петроград, собирающий в себе лучшие востоковедные силы, доселе совершенно лишен японологов»¹⁸, так и не упомянув Конрада. Между тем В.М.Алексеев прекрасно знал, что с 1922 г. в Петрограде возобновилось университетское преподавание японского языка и литературы. На кафедре японской словесности Университета Конрад читал курсы «Введение в японский язык», «Формы современной японской литературы», преподавал грамматику разговорного языка, вместе со своим помощником по кафедре — Кэмэй Тойдзуми — вел занятия по практической живой речи. В 1926 г. Конраду присвоили звание профессора, а в 1927 г. его первые ученики, будущие выдающиеся японисты Е.М.Колпакчи и А.Е.Глускина, отправились на стажировку в Японию.

Параллельно Конрад пытался реанимировать работу по переводу японской классической и современной литературы в рамках горьковского издательства «Всемирная литература». Впервые его имя появляется в протоколах заседаний коллегии экспертов Восточного отдела 9 июня 1922 г.: по предложению В.М.Алексеева решено «просить г. Конрада принять участие в сотрудничестве в издательстве»¹⁹. Через несколько месяцев, 3 октября того же года Алексеев уже сообщает коллегам о поступлении первых переводов с японского, сделанных Конрадом, по мнению Алексеева, «очень хорошо, художественно и ритмично»²⁰, он же огласил список готовых для издания переводов Конрада. При поддержке С.Ф.Ольденбурга «Рассказы из Исэ» в переводе Конрада были приняты сразу во 2-й номер «Востока», одновременно он получил заказ на переводы корейских сказок и статью о корейской литературе для 3-го выпуска «Литературы Востока»²¹. Активность Конрада была столь велика, что в июне 1923 г. он предлагает

посвятить один из номеров «Востока» исключительно Японии, одновременно кладя на стол и список возможных материалов (к сожалению, он в протоколах не сохранился). Не отвергая идеи в целом, все же осторожная редколлегия решила пока такого номера не выпускать, мотивировав тем, что «вряд ли удастся составить такие же номера по другим странам»²². Не менее настойчиво, чем классические памятники японской литературы, Конрад пытался «продвигать» в «Востоке» современную тематику. 26 июня 1923 г. Б.Я.Владимирцов представлял перевод Конрада «Из писем современного японского толстовца» Токутоми Рока²³, побывавшего в Ясной Поляне в 1906 г., однако само произведение, проникнутое антитолстовским пафосом, пониманием ложности примитивно-мужицкого опрощения, было признано «неинтересным и неподходящим» для журнала. Зато когда в сентябре 1923 г. Конрад предложил в журнал перевод «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, он был одобрительно принят после рецензии И.Ю.Крачковского²⁴ и опубликован в 1924 и 1925 гг. На протяжении 1924 г. каждый месяц Конрад предлагал редколлегии «Востока» свою «продукцию» в самых разных жанрах — перевод рассказа «Мика», драматической легенды «Сакурака», рецензию на Ляо Чжая, переводы из «Японских сказаний» и японских рассказов, статью «Театр Но»²⁵ и др.

Театр особенно привлекает в эти годы ученого, и он начинает читать лекции по истории японского театра в знаменитом «Зубовском институте» — Институте истории искусств на Исаакиевской площади; сотрудничает с С.Радловым и В.Э.Мейерхольдом. «Будущий маститый академик-марксист, — вспоминал все тот же Б.Филиппов, — был тогда отнюдь не марксистом, но склонным к мистике полуправославным-полуантропософом, не только талантливым востоковедом, но и неплохим пианистом, не только историком и лингвистом, но и горячо увлекающимся медиумизмом и спиритизмом, а также полуголыми девушками-танцовщицами из студии "Гептакор" на Большом проспекте»²⁶.

Этот явно пропитанный иронией портрет Конрада «кисти» все того же Б.Филиппова тем не менее очень точно воспроизводит еще сохранявшуюся в 20-е годы традиционную «многоукладность» научной среды. Интеллигентский Петроград—Ленинград 20-х годов был переполнен разнообразными кружками и «академиями» (кстати, пока никто еще не задался вопросом, откуда такая тяга в самоназваниях того времени именно к «академии»). В тогдашних «академиях» — художественно-литературно-религиозно-философской (Хельфернак), собиравшейся по средам на бывшей Церковной ул., «Космической» (о ней писал Д.С.Лихачев), «Мещаниновской» (созданной вокруг того, кого

называли то тенью, то жертвой «сумасшедшего» академика Н.Я.Марра, — Ивана Ивановича Мещанинова, и куда входили Л.Башинджаган, Б.Латынин, Т.Пассек, А.Рифтин, захаживал к ним и И.Г.Франк-Каменецкий) и, наконец, «Малой Академии», или Малака «азмузов»²⁷, т.е. Азиатского музея Академии наук, — особую конструирующе-конструктивную роль имел игровой элемент, своим «частным, домашним» характером охранявший автономность профессиональной среды и противостоявший разрушению традиций.

Помимо Хельфернака Конрад приходил в кружок А.Мейера (Н.В.Пигулевская, М.В.Юдина, А.Гизетти, С.А.Алексеев-Аскольдов). Его имя упоминается и в связи с деятельностью «Кантовского семинара» (М.Бахтин, А.Франковский, Б.Энгельгардт, Б.Залесский, М.Тубянский)²⁸. Трудно судить о степени реальной интегрированности Конрада в эти общности, его участие в них скорее похоже на поиски своего пути, однако несомненно, что многие историософские размышления Н.И.Конрада 50—60-х годов своими корнями уходят в «кружковую философию» Ленинграда 20-х годов.

Широта и многогранность исследовательских интересов Н.И.Конрада далеко не всегда встречали понимание в собственно востоковедной среде. Зимой 1932 г., когда он выдвигался Институтом востоковедения в члены-корреспонденты АН СССР, против его кандидатуры с завидным единодушием выступили и арабист И.Ю.Крачковский, и синолог В.М.Алексеев. Причем Крачковский посчитал кандидатуру Конрада «недостаточно научно обоснованной» как раз потому, что «научный характер работы Н.И.Конрада производит впечатление поверхностности благодаря слишком широкому размаху его работы и кругозора»²⁹. Такая мотивация тем более казалась странной, что сам И.Ю.Крачковский немало времени отдал изучению современной арабской литературы. Через много лет именно в очерке, посвященном Крачковскому, Конрад вспоминал, явно имея в виду свою нетрадиционную для «классического» востоковеда научную проблематику, что «в те времена начинающий ученый мог рассчитывать на самую активную поддержку своих учителей, когда они его видели сидящим над средневековой арабской рукописью. И не так просто было тогда молодому ученому сказать, что он с вниманием читает и недавно вышедший роман какого-нибудь современного сирийского, ливанского или египетского писателя. И не только читает, но и считает возможным писать о нем. И не только писать, но и считать изучение творчества современного арабского писателя наукой»³⁰.

Раскол в стане востоковедов — между ведущими специалистами классической ориенталистики, сосредоточенными преимущественно в Петрограде—Ленинграде, и большой группой молодых, начинающих, в основном московских востоковедов, чьи интересы были связаны исключительно с изучением современной им экономической и политической обстановки на Востоке, — наметился буквально сразу после Октября. Процесс поляризации и конфронтации этих двух направлений и составил основу драмы отечественного востоковедения 20—30-х годов. Н.И.Конрад — и в силу характера, и в силу «естественного монополизма» в японистике и необходимости заниматься всем спектром японоведческих проблем — оказался меж теми и другими.

Волна критики ведущих академиков-востоковедов, часто переходящая в откровенную травлю, возникла вовсе не в 30-е годы, а значительно раньше, с начала 20-х. Достаточно вспомнить полугодовой арест и предполагавшуюся ссылку в 1922—1923 гг. И.Ю.Крачковского, неоднократные задержки и отказы в выдаче ему заграничного паспорта, всякий раз благополучно завершившиеся лишь благодаря дипломатии неперменного секретаря АН СССР акад. С.Ф.Ольденбурга, которому, впрочем, удавалось добиваться положительных решений о выезде И.Ю.Крачковского за границу лишь ценой угрозы своей отставки.

Не менее сложная ситуация складывалась и вокруг В.М.Алексеева, достигшая «точки кипения» в 1937—1938 гг., когда его «реакционно-буржуазные установки» рассматривались и на активе Академии наук в мае 1937 г., и на заседании Президиума АН в июне того же года. А уж после появления 31 мая 1938 г. в «Правде» статьи «Лжеученый в звании советского академика», подписанной ученым секретарем ИВАНА Х.Муратовым, все лето 1938 г. прошло в бесконечных обсуждениях и осуждениях, что, впрочем, не помешало всего через семь лет — в 1945 г. наградить академика В.М.Алексеева орденом Ленина «за большие достижения в науке».

Почти всегда метод решения всех проблем у нападавшей стороны был прост и незамысловат — апелляция к высшим партийным властям. Когда в 1929 г. в очередной раз был поднят вопрос о слиянии учебных востоковедных вузов Москвы и Ленинграда в единый центр, коммунистическая фракция Ленинградского восточного института (ЛВИ) направила докладную записку в Комиссию ЦК ВКП(б), возглавлявшуюся наркомом просвещения РСФСР А.С.Бубновым, с выражением своей точки зрения, заключавшейся в том, чтобы создать такой центр в Москве, на базе Коммунистической академии. В записке-доносе проводи-

лась четкая «классификация» преподавателей института по принципу, уже хорошо отработанному в литературе на «попутчиках», — «кто не с нами, тот против нас», что подытоживалось выводом о нецелесообразности востоковедного вуза в Ленинграде — «цитадели идеалистической профессуры». По этой «классификации» Н.И.Конрад попал в категорию «чуждых»³¹.

О том, чем грозили такие «ярлыки», он мог догадываться. Все 20-е годы питерские чекисты активно «прочищали» интеллигенцию в городе, а разгром мейеровского «Воскресения» и аресты многих хороших знакомых Конрада в 1929—1930 г. вынуждали, по-видимому, задумываться и о своей судьбе.

Возможно, именно эти события, с одной стороны, вызвали некоторую паузу в научной работе Конрада в 1930—1931 г., а с другой — подтолкнули его к решительному шагу, знаменовавшему совершенно определенное изменение тематики его научных исследований, — теперь в них все чаще мелькает проблематика нового и даже новейшего времени. А в сентябре 1933 г. в газете «За социалистическую науку» появляется статья Н.И.Конрада под красноречивым названием «Я не мыслю своей работы без участия коммунистов»³². Что это — попытка отвести беду от своего дома или сознательный конформизм? Можно по-разному отвечать на этот вопрос, но взгляд из 90-х годов, обладающий преимуществом ретроспективного видения, вряд ли сможет в полной мере различить все оттенки внутренней драмы ученого.

Когда же всего через два года в японистике разразится настоящая «гроза», его позиция будет тверда. В ноябрьском номере журнала «Литература национальностей СССР» за 1935 г. была опубликована рецензия в недавнем прошлом проф. Дальневосточного университета Н.П.Мацокина на вышедшую в 1934 г. первую часть «Учебника японского языка» П.Гушо и Г.Горбштейна. Рецензия была написана «с марксистских позиций» и, кажется, в большей степени представляла собой попытку «реабилитации» самого автора рецензии, в 1932 г. осужденного на 10 лет лишения свободы и в марте 1934 г. освобожденного «условно-досрочно». Учебник квалифицировался в рецензии как собрание терминологического хлама, а авторы обвинялись в протаскивании японского национализма, пособничестве британскому империализму и даже в насаждении феодализма в советской науке. Обвинения вполне в духе времени! Но вот ответ, напечатанный в 1936 г. в «Библиографии Востока» — органе Института востоковедения — и подписанный 37 ведущими японистами страны, почти беспрецедентен как пример открытого коллективного профессионального выступления. «Наш протест, — писали ученые (среди них Н.И.Конрад, Н.А.Невский, Е.М.Колпакчи,

А.Е.Глускина и др.), — направлен против рецензии Н.П.Мацокина как таковой, поскольку она направлена по существу против всего советского японоведения... При этом эта рецензия как по своему содержанию, так и по тону стоит полностью вне приемов научной критики»³³. Отвергая «жанр» политической рецензии на научно-учебное издание, японисты тем самым выражали свое отношение к подобному стилю ведения полемики, к системе навешивания политических ярлыков, господствовавшей в обществе, и фактически подписывали себе приговор...

Аресты 1936—1937 г. захватили все научные академические учреждения Ленинграда: институты, Главную астрономическую обсерваторию, библиотеку, типографию, издательство и т.д. Но особенно тяжело пострадал Институт востоковедения, где были репрессированы А.И.Востриков, Ю.К.Щуцкий, Ц.Ж.Жамцарано, А.Ф.Искандеров, М.С.Троицкий, П.Е.Скачков, Д.П.Жуков, М.И.Тубянский, Б.А.Васильев и многие другие³⁴.

В той или иной форме каждому из них инкриминировалась «связь» с западными и японской разведками. О смысле и последствиях подобных обвинений никто в НКВД вопросом не задавался; цель же — проста и ясна, а главное, соблазнительно легко достижима, ибо многие востоковеды неоднократно бывали за границей и просто созданы были для роли шпионов.

Кульминацией разгрома ИВАН стал арест в октябре 1937 г. его директора академика А.Н.Самойловича. Впрочем, на этом не успокоились. В течение зимы 1937 — первой половины 1938 г. шел интенсивный процесс сбора компрометирующих материалов на ведущих академиков института — И.Ю.Крачковского и В.М.Алексеева. Особенно старался ученый секретарь ИВАН Х.И.Муратов (1905 — 1942?), регулярно составлявший «научно-общественные отзывы»³⁵, не отличимые от доносов. Именно этим человеком, свежее испеченным выпускником Ленинградского института красной профессуры, «по разверстке культпропа ЦК партии и горкома партии» направленным в ИВАН, незадолго до того были написаны «заявления» в Отдел науки ЦК ВКП(б) на А.И.Вострикова и М.С.Троицкого, погубившие обоих ученых.

Не менее тяжелая обстановка сложилась и в ЛВИ, где Н.И.Конрад возглавлял кафедру японского языка с 1922 г. ЛВИ, ориентированный на подготовку специалистов-практиков, имел специфику в своей работе. Его выпускники занимали, как правило, достаточно высокое служебное положение в Коминтерне, Профинтерне, КИМе и т.п. Кроме того, наличие в институте с 1934 г. особого (японского) сектора, готовившего кадры для НКВД, создавало для преподавателей как иллюзию относительной безопасности — «важности» для органов, так и еще более

усиливало нервозность, ибо каждое «неудачное» слово могло стоить жизни...

О том, что тучи над головой проф. Н.И.Конрада собирались, ясно говорили события, происходившие в ЛВИ с осени 1937 г., когда началась бесконечная чехарда смены директоров института. Наконец 22 апреля 1938 г. появился приказ по институту, вносящий существенные изменения в список заведующих кафедрами: кафедру японского языка теперь возглавил доц. Д.И.Гольдберг.

А 28 июля 1938 г. по ложному обвинению был арестован чл.-кор. АН СССР, заведующий японо-корейским кабинетом ИВАНА проф. Н.И.Конрад. «Меня взяли прямо из-за стола», — вспоминал Н.И.Конрад в одном из писем 60-х годов Б.Б.Вахтину³⁶. Через полтора месяца, не дожидаясь решения судебных органов, 5 сентября 1938 г. его исключают из состава научных сотрудников ИВАНА³⁷.

Арестом Конрада замыкалась одна из бесчисленных цепочек арестов «по специальности», когда «вычищались» целые научные учреждения — от дворника до директора института, от аспиранта до академика и члена-корреспондента. Такой участи подвергся и Институт востоковедения — бывший Азиатский музей, гордость отечественной науки, где концентрация специалистов мирового уровня была едва ли не наибольшей во всей Академии. Сегодня то, что произошло с востоковедением в 30-е годы, признано катастрофой³⁸.

Больше года провел Н.И.Конрад в ДПЗ — Доме предварительного заключения на Шпалерной. Ведшие «дело» Конрада зам. начальника отдела Управления НКВД по Ленинградской обл. Голуб, следователь Трухин, начальник отдела Соловьев, сотрудники Гаркавенко, Слепнев и др. систематически избивали его, держали по несколько часов в «стойке». Конрад дважды отказывался от данных ранее под пытками показаний. Через год, 10 ноября 1939 г., решением Особого совещания при НКВД СССР он был осужден по статье 58, п. 1-а на 5 лет исправительно-трудовых лагерей³⁹. «Измена Родине» — так квалифицировалась в понятиях Уголовного кодекса многолетняя работа ученого. Н.И.Конрад получил «всего» 5 лет... Значит ли это, что на него так и не удалось подготовить серьезных показаний и признаний, или же сыграло свою роль то обстоятельство, что он находился под следствием в период «от Ежова к Берии», обусловившее сравнительную мягкость приговора?

Сразу после осуждения, 12 декабря 1939 г., в «вагзак» ученый был отправлен в лагерь в Красноярский край. Теперь местом его «работы» стала производственная зона Канского лагерного пунк-

та № 7 КРАСЛАГа НКВД СССР. Вспоминает его товарищ по лагерю Н.И.Воротынцев: «...Н[иколай] И[осифович]... ходил с нами в рабочую зону, на лесосклад. Сперва кору и сучья жег, потом стал понемногу втягиваться в более тяжелую работу. И пайку хлеба стали давать уже до 600—700 грамм [...]».

Я видел, как трудно Н[иколаю] И[осифовичу] ладить с рычагом-стежком в раскатке бревен. Ветви нашей узкоколейки часто давали сбои: мусором и снегом забивались рельсы, да и сама "вертушка"-разминовка далеко не всегда срабатывала. И я после согласования с бригадиром снял Н[иколая] И[осифовича] с раскатки и поставил его путевым рабочим на узкоколейку и "вертушку" [...]. Однажды, лежа на нарах, Н[иколай] И[осифович], отдохнувши после ужина, сказал: "А я хочу признаться, что работа путевого обходчика мне внутренне импонирует. Во-первых, я один. Никто не мешает поразмышлять. К тому же не слышу блатного жаргона. А во-вторых, и это главное, я с пешней, эмблемой трудового процесса, направленного на расчистку путей. И, как ни странно (пусть не покажется это суеверием), это не только внутренне импонирует мне сейчас, но интуитивно вселяет надежду, что цель моей жизни — Восток, Япония — будет закончена. Я с большой охотой тружусь на линии моей теперешней узкоколейки по азимуту Вест-Ост!"

Прошло некоторое время. Однажды ночью в наш лагерный барак пришел рассыльный из комендатуры, разбудил рядом спящего со мною на нарах Н[иколая] И[осифовича], приказал собраться с вещами и следовать за ним [...]. Слышно было, что по ходатайству В.Л.Комарова Н.И.Конрада из лагпункта "ОЛП" № 7 в г. Канске перевели в спецбюро... для завершения работы по Японии»⁴⁰.

Лагерный слух оказался верным. 20 апреля 1940 г. в связи с пересмотром дела Н.И.Конрада направили в Бутырскую тюрьму (Москва), а решением того же Особого совещания при НКВД СССР от 8 сентября 1941 г. дело прекратили за недоказанностью вины. Существует версия, что часть этого времени ученый работал в Саратовской «шарашке». Но доподлинно известно только то, что освобожден он был 6 сентября 1941 г. и большую роль в этом сыграл президент АН СССР В.Л.Комаров, которому Н.И.Конрад писал: «Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич! Считаю своим долгом сообщить Вам как своему Президенту, что с 6-го сего сентября я освобожден с прекращением дела. Таким образом, моя всегдашняя уверенность в том, что истина в конечном счете должна восторжествовать, полностью оправдалась... я был переведен в Москву, где сразу же, еще до окончания дела, получил возможность возобновить свою научную работу [...] я

сделал перевод и комментировал два классических китайских трактата по военному искусству, лежащие в основе всей теории и практики войны как в Китае, так и в Японии. Это трактаты китайских стратегов — Сунь-цзы и У-цзы. Насколько мне известно, они изучаются, не говоря уже о Китае, во всех высших военных учебных заведениях Японии. Мне удалось дать не только широкий филологический и исторический комментарий, но и проиллюстрировать отдельные положения трактатов примерами из военной истории Китая и Японии. Думается, что знакомство с основами классической стратегии Востока может быть небесполезным и у нас. Размер этих работ — 35 п.л. и 15 п.л.

Наряду с этими готовыми работами я закончил вчерне историю японской литературы, подводящую итог моему университетскому курсу. Мне была предоставлена далее возможность вернуться к работе над японо-русским словарем, оборвавшейся в 1938 г. За это время я сделал следующее: систематически читая современную японскую газетную и журнальную прессу, я собрал весьма значительный материал по лексике 1939—1941 гг., весьма специфической в соответствии со спецификой исторической обстановки тех лет. Это даст возможность вооружить словарь словами новейшего происхождения, что я и намерен сделать вместе с просмотром того, что было сделано без меня»⁴¹.

Добавим к этому, что в личном архиве Н.И.Конрада сохранилась рукопись большого обзора истории китайской литературы — одной из значительных работ ученого в области синологии, написанная в июле—августе 1941 г. во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке⁴².

Начало Великой Отечественной войны, угроза нападения со стороны Японии заставили власти вернуть многих японистов из мест заключения, лагерей. Фактически война спасла их. Возвращавшиеся ученые использовались как переводчики, а некоторые из них работали и в военной разведке.

Чудом выжившие люди, истосковавшиеся по любимой работе ученые с удвоенной энергией стремились помочь своей стране. Война разбросала их по всему Союзу, но к 1943—1944 г. многие из тех, кто оказался в эвакуации, стали приезжать в Москву, где под председательством и руководством академика И.Ю.Крачковского сформировалась московская группа Института востоковедения. Очень скоро, после отъезда И.Ю.Крачковского в Ленинград, ее возглавил Н.И.Конрад, официально числившийся профессором Московского института востоковедения им. Нариманова. Группа постепенно становилась серьезным исследовательским центром, объединявшим, по сути, всех востоковедов, по тем или иным причинам находившихся в Москве.

Вот как вспоминал об этом периоде выдающийся отечественный китаист Р.В.Вяткин: «...в 1943 г., временно, на военный период объединились московские и ленинградские востоковеды. На ее (группы) заседаниях, проходивших на Волхонке, 14, заслушивались отдельные доклады, научные сообщения. Проходил обмен мнениями по актуальным проблемам востоковедения. В обсуждениях принимали участие такие знатоки Востока, как арабист акад. И.Ю.Крачковский, китаевед акад. В.М.Алексеев, тюрколог акад. В.А.Гордлевский, японовед, тогда еще чл.-кор. Н.И.Конрад, историк акад. В.В.Струве, а также большая группа востоковедов следующего поколения — А.А.Губер, В.И.Беляев, А.Ф.Миллер, Б.Н.Заходер, Л.В.Симоновская и многие другие... На общем фоне этих — всегда интересных заседаний — меня особенно впечатляли выступления Николая Иосифовича Конрада. Они всегда отличались каким-то особым изяществом, широкой проблем по истории восточных культур, связи цивилизаций Востока и Запада и других аспектов обсуждаемых тем. Его выступления были своеобразным фейерверком ума и знаний, они были, как правило, недлинные, но предельно ясны и логичны»⁴³.

В Москве Н.И.Конрад также предпринимает энергичные попытки для того, чтобы восстановить прежний высокий статус востоковедной науки: он один из главных организаторов в первые послевоенные годы индийской, китайской, японской сессий Института востоковедения, получивших признание в кругах научной общественности.

Однако нормальное развитие науки было вновь трагически подорвано кампанией по борьбе с космополитизмом на рубеже 40—50-х годов. Академические институты принуждают принимать воинственные резолюции, на практике выливающиеся в изгнание из научных учреждений многих неугодных и неудобных специалистов, в новую волну арестов и ссылок.

Не обошли они и востоковедов. Летом 1950 г. акад. И.Ю.Крачковский, вернувшись из отпуска, не обнаружил ни одного сотрудника своего Арабского сектора — все они были уволены в связи с реорганизацией института. Как и осенью 1947 г., после предпринятого акад. И.Ю.Крачковским демарша — заявлении с просьбой об отчислении и его из ИВАНа, сотрудники были восстановлены, но 24 января 1951 г. И.Ю.Крачковский скончался. В мае того же года умер акад. В.М.Алексеев. В Москве из Института востоковедения был уволен близкий друг Н.И.Конрада, историк науки Т.И.Райнов. И подобных фактов было множество. В такой ситуации поистине безумным выглядел поступок Н.И.Конрада, уже прошедшего лагеря и прекрасно знавшего об арестах «повторников»: на засе-

Н. И. Конрад. 1961 г.

дании бюро Отделения литературы и языка АН СССР он осмелится возражать против увольнения из Пушкинского Дома известного литературоведа Б.М.Эйхенбаума, единственный из всего состава бюро!⁴⁴.

В 1955 г. Н.И.Конрад предпринимает попытку помочь А.А.Ахматовой выволить из лагеря ее сына, востоковеда Л.Н.Гумилева. Не дожидаясь его освобождения, Н.И.Конрад пытается привлечь Льва Николаевича к работе над многотомной «Всемирной историей». Как вспоминает Э.Г.Герштейн, «особенно горячо отнесся Конрад к Гумилеву, когда прочел его рукопись (20 листов) по истории Срединной Азии, которую Лев написал в лагере и ухитрился переслать мне в октябре 1955 года. Перепечатав на машинке, я отнесла ее Конраду. С какой нежностью он держал в

руках, как будто взвешивал каждую, четыре красные папки, в которые я вложила рукопись!»⁴⁵.

Немало способствовал Н.И.Конрад освобождению известного япониста В.М.Константинова (1903—1967), затем переводу его в Москву, зачислению в Институт востоковедения АН СССР, защите докторской диссертации, публикации книг. Недавно впервые опубликованные письма Н.И.Конрада к В.М.Константинову свидетельствуют о заботе, искреннем участии, о готовности прийти на помощь, о дружеском отношении учителя (В.М.Константинов в 1927 г. стал первым аспирантом Н.И.Конрада), старшего коллеги. Вот один из фрагментов письма Н.И.Конрада от 31 марта 1964 г.: «Много-много лет назад мы встретились с Вами, и тогда уже завязались наши с Вами дружеские отношения. Потом наступил долгий-долгий провал. Исчезли мы оба: я — на более короткий срок, Вы — на очень длинный. Прошли десятилетия, и судьба снова свела нас вместе, даже в одном городе, в одном Институте»⁴⁶.

В 1958 г. Н.И.Конрад избран действительным членом Академии наук СССР, а в 1969 г. он первым из советских японистов удостоен правительством Японии Ордена Восходящего Солнца. Одним из важнейших направлений деятельности Н.И.Конрада в эти годы становится работа по сохранению и публикации творческого наследия погибших ученых, помощь оставшимся в живых. И эта непростая работа, требовавшая в 50—60-х годах большого человеческого мужества, проходила через его сердце.

Память об ушедших учителях, друзьях и коллегах, помощь тем из них, кому удалось выжить, пройдя сквозь ад сталинских тюрем и лагерей, материализовались в жизни Николая Иосифовича Конрада в многолетний, каждодневный труд по изданию самого ценного для ученого — их научного наследия. Пожалуй, трудно назвать имя другого академика, столь же много сделавшего в этой области в 50—60-е годы. «Я ждал восемь лет, пока добился издания посмертного труда двух своих погибших товарищей, но дождался», — писал он в одном из писем в 1961 г.⁴⁷ — это о «Тангутской филологии» Н.А.Невского (М., 1960) и «Китайской классической "Книге перемен"» Ю.К.Щуцкого (М., 1961). Позже с его помощью вышли труды М.М.Бахтина и Я.Э.Голосовкера, Е.Д.Поливанова и Ф.И.Щербатского.

Н.И.Конрад оказался последним из плеяды великих отечественных ориенталистов XX в.; драматизм и трагичность эпохи глубоко отразились на его судьбе, но не сломали ученого, видевшего свой долг в сохранении традиций, преемственности, неразрывности связей научного сообщества вне зависимости от социальных коллизий века. Именно Н.И.Конрадом в 50—

60-е годы открыто исповедовался и публично защищался примат общечеловеческих ценностей, их первенство в системе духовных приоритетов общества. «Диалог культур» был для него не только диалогом разных цивилизаций, Востока и Запада, но и имел большой внутренний смысл, утверждая единство отечественной культуры.

«Ужасы и кровь не могут быть оправданы... они только могут быть искуплены. Сейчас я, пожалуй, добавил бы... или прощены. Конечно, теми, кто имеет право прощать и внутреннюю силу прощать. Вспомнил бы и слова Февронии в "Китеже": "Всякий грех простится, а который не простится, тот забудется"⁴⁸, — размышлял Н.И.Конрад незадолго до смерти...

* * *

Творческое наследие Н.И.Конрада огромно. За подготовку двухтомного «Большого японско-русского словаря» (М., 1970) в 1972 г. ему посмертно была присуждена Государственная премия. После смерти Н.И.Конрада усилиями его вдовы Н.И.Фельдман-Конрад были подготовлены и опубликованы три тома «Избранных трудов»⁴⁹, среди которых немало работ, увидевших свет впервые, а также сочинений, давно ставших библиографической редкостью. Значительным вкладом в изучение научного наследия Н.И.Конрада стал выход уже упоминавшейся книги «Н.И.Конрад. Неопубликованные работы. Письма».

И все же необходимо признать, что некоторые аспекты исследовательской, творческой деятельности Н.И.Конрада еще до сих пор не получили должного освещения. Это в первую очередь касается его вклада в изучение этнографии, культуры и истории Кореи.

В «корейском наследии» Н.И.Конрада особое место занимают материалы его этнографических исследований, проведенных в Корее в 1914—1917 гг. Они сохранились в виде рукописного отчета о работе в Корее в конце 1914 — начале 1915 г., а также двух тетрадей, содержащих, очевидно, второй большой отчет за 1914—1917 гг. В круг этих материалов входит также машинописный текст монографии «Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX—XX веков» (139 машинописных страниц)⁵⁰ и отдельные статьи, тематически связанные с этой монографией. Некоторые из этих материалов до сих пор не опубликованы. Они хранятся в Архиве РАН, в Москве и в Санкт-Петербурге. Вышеназванная монография впервые опубликована в 1996 г.⁵¹

Будучи прежде всего японистом, Н.И.Конрад на протяжении всей жизни обращался и к проблемам культуры, филологии,

истории и этнографии корейского народа. Интерес к Стране Утренней Свежести пробудился у него рано. Годы учебы Н.И.Конрада в стенах Петербургского университета (1908—1912) на японско-китайском отделении Факультета восточных языков совпали с пробуждением интереса русской общественности к культуре и истории стран Дальнего Востока, в том числе и Кореи. Появляются многочисленные научные публикации, популярные очерки, записки путешественников, посещавших страну, еще недавно считавшуюся «страной-отшельником». Широкой популярностью пользовались «Корейские сказки и легенды», собранные в Корее в 1898 г. русским писателем и путешественником Н.Г.Гариным-Михайловским⁵². В 1900 г. вышел в свет фундаментальный труд «Описание Кореи», в котором были систематизированы знания об этой стране в русской, западноевропейской, американской и корейской науке на начало XX в. Эта книга — своеобразная энциклопедия русского корееведения⁵³. К Корее было привлечено внимание и в связи с политикой России на Дальнем Востоке, соперничеством с Японией на Корейском полуострове, с трагическим для России периодом русско-японской войны 1904—1905 гг.

Еще будучи студентом Факультета восточных языков, Н.Конрад познакомился с экспозицией и материалами Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, в фонды которого корейские коллекции и отдельные предметы стали поступать с середины XIX в.

Однако несомненно решающим моментом в познании Кореи, в приобщении к ее культуре и этнографии были поездки Н.Конрада в Корею в 1914—1917 гг.

В настоящее время пока невозможно составить детальную, целостную картину пребывания Н.И.Конрада в Корее, восстановить маршруты его путешествий, экспедиций по стране. Слишком мало сохранилось об этом свидетельств. Попробуем наметить контуры этой картины по доступным нам сегодня материалам.

Как мы уже говорили, в июле 1914 г. Н.И.Конрад был командирован в Японию Русско-японским обществом на летние месяцы, однако он пробыл в Японии до июля 1917 г. Первоначально основной целью научной командировки были занятия в Токийском университете по специальностям: японский язык, японская литература, а также японская и китайская философия.

Однако еще весной 1914 г. руководство одного из крупнейших востоковедных центров России того времени — Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях⁵⁴ — стало рассматривать его кандидатуру для

командирования в Корею с целью проведения этнографических исследований. Кандидатура Конрада была названа известным русским синологом, проф. Петербургского университета А.И.Ивановым и поддержана В.В.Радловым, Л.Я.Штернбергом, В.А.Котвичем. Об этом свидетельствует сохранившийся в делах Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии машинописный текст докладной за подписями этих ученых. Судя по протоколам Русского комитета, документ может быть отнесен к первым месяцам 1914 г. (до 29 марта)⁵⁵. Характеризуя Конрада, его старшие коллеги отмечали, что он в 1912 г. окончил Факультет восточных языков и успешно выполнил две (?) командировки в Японию. «Зная практический японский и отчасти китайский язык, Н.И.Конрад занимался уже корейским языком и знаком с литературой о Корее. Лето текущего года (имеется в виду 1914. — *Авт.*) он намерен провести в Японии для занятий корейским и японским языками, а осенью, получив надлежащие указания, он мог бы отправиться в Корею и приступить к историко-этнографическим и антропологическим исследованиям, занимаясь и изучением языка»⁵⁶.

Сам факт командирования русского этнографа в Корею в 1914 г. — явление примечательное. В 1910 г. Корея стала колонией Японии. Над традиционной культурой корейского народа нависла угроза исчезновения. Поэтому русские ученые видели одну из главных задач исследований Н.И.Конрада в изучении этнографии корейцев.

Необходимость этнографической работы в Корее обосновывалась Русским комитетом следующим: «Со времени аннексии Японией Кореи многое уже сделано для изучения экономического положения этой страны, но этнографические, лингвистические и археологические исследования подвинулись сравнительно мало вперед. Корейский язык, например, в Японии изучается преимущественно практически. Между тем научное изучение Кореи в историко-этнографическом, лингвистическом, антропологическом и археологическом отношениях важно не только для общих научных задач Дальнего Востока, но и для проблем Приамурского края, особенно тесно связанного с соседней Кореей»⁵⁷. Примечательна рукописная вставка, сделанная в продолжение этого текста: «При этом нужно иметь в виду, что при современном японском управлении и интенсивном [нрзб.] реформами страноведческие, этнографические особенности (корейцев. — *Авт.*) исчезают с необычайной быстротой»⁵⁸.

Определяя цели и задачи этнографической работы в Корее, руководство Русского комитета отмечало также: «Наиболее важной в этнографическом, как и в археологическом отношении

областью следует считать Северную Корею, граничащую с Южной Маньчжурией и Приморской областью. Эта область входила в состав различных владений со времени династии Хань и даже ранее, если основываться на сведениях китайских источников. Представляется поэтому весьма желательным начать исследование Кореи именно с северной ее части». В предварительном порядке определялся маршрут экспедиций и поездок Конрада по Корею: «Прежде всего ему надлежало бы отправиться в Сеул, где возможно получить необходимые справки и нужные сведения, а также подготовиться в практическом знании корейского языка. Затем могли бы быть намечены следующие пункты, представляющие этнографический и исторический интерес: Кайцзио⁵⁹ (кор. Кэсон), место пребывания династии Гао-ли (кор. Корё), Хэй-цзио (кор. Пхеньян), Кай-сю (кор. Хэчжу), Канко (кор. Хамхын), Кай-сю (кор. Кёнджу), столица владения Синра (кор. Силла).

Этнографические же наблюдения желательно сосредоточить в одной из северных провинций: Хэй-ян (кор. Пхёнан), Канкио (кор. Хамгён), Кокай (кор. Чолла). Вся командировка должна продолжаться около года»⁶⁰.

В задачу Н.И.Конрада входили историко-этнографические и антропологические исследования, а также изучение корейского языка. Считалось желательным, чтобы он ознакомился с корейскими источниками о Приморской области. Перед Н.И.Конрадом ставилась также задача сбора этнографических материалов и составление коллекций этнографических предметов для МАЭ при Академии наук. На это ему Музеем выделялись специальные средства. Об этом, в частности, свидетельствует протокол заседания Русского комитета от 29 марта 1914 г., в 31-м параграфе которого записано: «Разрешить Н.И.Конраду во время выполнения командировки (имеется в виду и командировка в Корею. — *Авт.*) собирать сведения по этнографии для С.Ф.Ольденбурга и составлять коллекцию этнографических предметов для Музея антропологии и этнографии при Академии наук на средства, назначенные музеем»⁶¹.

Вот как писал об этом периоде своей жизни Н.И.Конрад: «Уже находясь в Японии, я получил предложение от Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии поехать в этнографическую экспедицию в Корею, а с 1915 г. Факультет восточных языков "оставил меня при университете для подготовки к профессорскому званию", как тогда именовалось оставление в аспирантуре»⁶².

Первый этап этнографической работы в Корею для Конрада начался 1 сентября 1914 г., как это и было предусмотрено Рус-

ским комитетом. Затем, очевидно, последовал небольшой перерыв — и работы были продолжены в 1915 и в 1916 гг. Недолго Н.И.Конрад был в Корее и в 1917 г.

Из сохранившегося фрагмента письма А.И.Иванова известно, что перед поездкой в Корею Н.И.Конрад летом 1914 г. занимался в Японии корейским языком, а также воспользовался консультациями, «надлежащими указаниями японских ученых и необходимыми рекомендациями»⁶³.

О маршрутах своих первых поездок по стране Конрад сообщал в письмах А.И.Иванову, который в это время находился в Пекине. Так, в конце 1914 г. А.И.Иванов писал в докладной, направленной в Русский комитет: «В настоящее время мною получено уже три письма от Н.И.Конрада, находящегося в Корее». И далее он сообщает, что Н.И.Конрад, прибыв в Корею из Японии, «отправился в провинцию, после того как ему удалось оплатить нужные приобретения для путешествия»⁶⁴.

Сохранился удивительный документ — фрагмент автографа письма Н.И.Конрада, которое было адресовано им А.И.Иванову. Написанный черной тушью на рисовой бумаге, сохранившийся фрагмент письма Н.И.Конрада, очевидно, может быть датирован концом 1914 или началом 1915 г. Из этого письма мы узнаем о первом этапе его этнографической работы в Корее.

Прибыв из Японии в Сеул и оформив соответствующие документы, Конрад отправился на юг страны. Конечной точкой его экспедиции был город Пусан. Однако предоставим слово самому: «Теперь позволю себе коснуться своей поездки по Корее. Оставляя подробные описания до следующего письма, я ныне укажу лишь главные пункты, которые я проехал: это Кванджу, Чхунджу, Чхонджу, Чочхивон, Конджу, Кунсан⁶⁵ — я называю только крупные города. Все это пространство пройдено мною частью пешком, частью верхом. Во многих деревнях останавливался на более или менее продолжительные сроки. По пути старался делать возможные наблюдения и производить различные записи, вроде легенд, сказок, песен, поговорок, преданий исторического характера и т.п. Несмотря на то что маршрут мой по заранее намеченному плану этим не заканчивался, мне пришлось сесть в [Пусане] на поезд и вернуться в Сеул». О причинах, вынудивших его прервать маршрут, Н.И.Конрад писал далее: «Причины тому следующие: наступили уже значительные холода и жизнь в корейских домах оказалась очень затруднительна при их системе отопления в постройках; в силу этих условий у меня получилось катаральное воспаление дыхательных путей, требовавшее значительного отдыха; наступление сезона, который крайне мало мог дать наблюдателю-этнографу; осуще-

ствление дальнейшего маршрута потребовало бы очень больших затрат, произвести которые я не был в состоянии, и, наконец, я ясно осознаю необходимость большего знакомства с языком для такого рода путешествия»⁶⁶.

Наверняка можно сказать, что, несмотря на отмеченные трудности, экспедиция Н.И.Конрада, проходившая по территории провинций Кёнгидо, Чхунчхондо, Чолладо, была научным подвигом молодого ученого. Известно, что во время своего путешествия, да и вообще во время пребывания в Корее, Н.И.Конрад вел дневники, которые, к сожалению, не сохранились (или, может быть, пока не найдены).

Возвратившись в Сеул, Н.И.Конрад возобновил занятия корейским языком. Много внимания он уделял сбору и систематизации этнографического материала.

Время, когда Н.Конрад посетил Корею, пришлось на трагический для этой страны и народа период. В 1910 г. Корея — страна с пяти тысячелетней историей лишилась своей государственности, потеряла свою независимость и стала колонией Японии. Годы 1910—1919 характеризуются установлением японцами в Корее жесточайшего террора и национального порабощения; в истории этот период получил название «сабельного». Из уже цитированного письма Н.И.Конрада А.И.Иванову видно, что японские власти в Корее недоброжелательно относились к его работе, препятствовали проникновению сведений о Корее за пределы страны. Так, пытаясь понять причины задержки своих писем, отправленных в Россию, Конрад упоминает о «цензуре», о сложностях движения почты по Сибирской железной дороге. И далее Конрад, намекая на какие-то осложнения с японскими властями, пишет: «Но даже в этом последнем случае я не понимаю причин, почему японское посольство вдруг заинтересовалось мною? По всей вероятности, вся эта история создана в Сеуле самим полицейским бюро, и никем другим»⁶⁷.

В этих непростых условиях Н.И.Конрад занимался изучением традиционной культуры корейского народа. Идея изучения историко-этнографического облика корейцев, как мы видели, была предопределена широкой научной программой Русского комитета. Молодой ученый воспринял ее и отдал ее осуществлению немало сил и энергии. Возможно, не все пожелания программы Русского комитета были осуществлены Конрадом. В условиях колониальной Кореи для этого не было достаточных условий. В то же время по некоторым другим вопросам корейской этнографии ученый значительно расширил поле исследования, вводя новую проблематику.

О ходе своей работы Н.И.Конрад продолжал сообщать в письмах. Его главными корреспондентами были проф. А.И.Иванов и один из руководителей Русского комитета, известный этнограф Л.Я.Штернберг. Как следует из официальных документов Русского комитета, исследования Н.И.Конрада оценивались положительно. Более того, руководство Русского комитета решило продлить пребывание Н.И.Конрада в Корее и на 1915 г.

В «Отчете о деятельности состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях за 1914 г.» читаем: «Из культурных областей Дальнего Востока в отчетном году в круг деятельности Комитета впервые была включена Корея. Решение произвести этнографические исследования в этой области было вызвано исчезновением ее этнографических особенностей после присоединения страны к Японии. Производство исследований было возложено на Н.И.Конрада, причем имеется в виду продолжать эти работы до сентября 1915 года. О работах, уже выполненных исследователем, было доложено Комитету в заседании 22 ноября»⁶⁸.

Результатом первого этапа этнографической работы в Корее в течение четырех последних месяцев 1914 г. (сентябрь — декабрь), а также, возможно, и первых (или первого) месяцев 1915 г. явился уже упоминавшийся выше рукописный отчет Н.И.Конрада, который был прислан им в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. Он написан на 22 больших линованных листах (текст на двух сторонах каждого листа — всего 41 страница) черными чернилами, изящным четким почерком. В правом углу первого листа почерком Н.И.Конрада написана дата «1915 г.». Одной из особенностей рукописи является ее насыщенность иероглифической терминологией. Все корейские понятия, термины записаны Н.И.Конрадом иероглифами. В нескольких случаях автор использует корейскую графику. Отчету в основном присущ лапидарный характер изложения. Ознакомление с отчетом позволяет очертить круг интересов молодого этнографа. Это социальный состав населения (этнографическая характеристика классов и сословий корейского общества на конец XIX — начало XX в.); родственные отношения, системы родства; антропонимия; траурные предписания; семейная обрядность («четыре церемонии»); храмы, святилища, религии; календарные обычаи и обряды (в первую очередь обычаи и обряды, связанные с празднованием Нового года, а также некоторых осенних и зимних праздников); развлечения и музыкальные инструменты. Даже этот краткий перечень основных аспектов ис-

следования Николая Конрада свидетельствует о том, что молодой ученый поставил перед собой задачу дать всестороннюю историко-этнографическую характеристику традиционной культуры корейского народа⁶⁹.

Об этом отчете в протоколах Русского комитета за 2 мая 1915 г., под параграфом 42, записано следующее: «Должено о получении от Н.И.Конрада, через посредство Императорского Русского консульства в Корее и Министерства иностранных дел, подробного письма на имя Л.Я.Штернберга о выполненных г. Конрадом работах и рукописи с изложением собранных им сведений о населении Кореи, его классовом составе, родовом строе, религиозных верованиях и обрядах»⁷⁰.

Свою этнографическую работу в Корее Н.И.Конрад продолжил и в 1915 г. В документах Русского комитета сохранились свидетельства о финансовом обеспечении его командировки до сентября 1915 г. В Протоколе № IV Русского комитета за 22 ноября 1914 г. записано: «Должены сведения о работах Н.И.Конрада (подчеркнуто здесь и далее в тексте. — *Авт.*) в Корее, полученные через проф. А.И.Иванова, и сведения о коллекциях⁷¹, присланных Н.И.Конрадом в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого. Вместе с тем сообщено, что по распоряжению бюро на основе § 10 правил его деятельности Н.И.Конраду, в дополнение к разрешенным ему по постановлению Комитета от 29 марта 700 р., высланы еще 500 р. для продолжения его работы в 1915 году. Определено: 1) утвердить распоряжение Бюро; 2) ввиду того, что работы Н.И.Конрада предложено вести в течение 1915 г., в течение восьми месяцев по 1 сентября, назначить ему из суммы Комитета, сверх высланных по распоряжению Бюро 500 р., еще 700 р., считая по 150 р. в месяц, как было предусмотрено постановлением Комитета от 29 марта; 3) к этим 700 р. присоединить еще 700 р. на возмещение потери, вызванной понижением курса при уплате по переводам через Русско-Китайский банк»⁷².

Сохранились данные о том, что Н.И.Конраду был отправлен и фотоаппарат (11 февраля 1915 г.)⁷³ для сбора фотоматериала. Часть иллюстративного материала, собранного Н.И.Конрадом, хранится в фотоархиве МАЭ (кол. № 2685)⁷⁴.

К сожалению, у нас нет пока сведений о ходе работы, о маршрутах экспедиций Н.И.Конрада в течение 1915 г. Можно предположить, что на протяжении этого года ученый совершал поездки в северные провинции Кореи, и не исключено, что на какой-то срок он возвращался в Японию. В отчете Русского комитета за 1915 г. отмечалось: «Из стран Дальнего Востока в район деятельности Комитета входила Корея, где продолжались

работы Н.И.Конрада, и Японии, куда был командирован для лингвистической работы Е.Д.Поливанов. Сведения о ходе работы Н.И.Конрада были доложены Комитету в заседаниях 14 марта и 2 мая, отчет о работах Е.Д.Поливанова в заседании 24 октября»⁷⁵. Отдельный отчет Н.И.Конрада о работах за 1915 г. не сохранился.

Трудно пока точно установить время, объем и направление работы Н.И.Конрада в Корее в 1916 г. Есть свидетельства, что он находился в Корее весной—летом 1916 г.⁷⁶ Очевидно, значительное внимание, как и в предыдущие годы, Н.И.Конрад уделял сбору корейских этнографических коллекций. В архиве Русского комитета сохранился текст телеграммы от 26 апреля 1916 г., отправленной А.И.Ивановым в Русское посольство в Токио на имя Николая Конрада. Вот ее содержание: «Телеграфируйте результаты сборов Корее согласие продолжать сборы какая сумма — Иванов»⁷⁷.

Как известно, Н.И.Конрад собрал большую коллекцию по этнографии корейцев, в том числе и по шаманству. Эта коллекция была отослана им в Токио, а оттуда на хранение в г. Цуругу. Однако в фонды МАЭ она не попала. О возможных причинах пропажи коллекции и отчета, содержавшего материалы по корейскому шаманству, Н.И.Конрад в 1962 г. рассказал в письме Ю.В.Ионовой. Вот полный текст этого письма, отправленного 4 июня 1962 г.: «Многоуважаемая Юдвига Васильевна! Думаю, что тот мой отчет, в котором содержатся сведения о шаманстве, просто не дошел до Л.Я.Штернберга. Он был, как я думаю, направлен вместе с некоторыми предметами этнографического характера из Токио в г. Цуруга — в агентство Русского Добровольного флота, которое должно было отправить все в Петербург. Но была уже война (первая мировая), и все пароходы Добровольного флота стали перевозить только военные грузы, все же прочие были положены на длительное хранение в склады г. Цуруга. По возвращении домой я осенью 1917 г. передал все документы на отправку груза Л.Я.Штернбергу. Через несколько лет он поехал на этнографический съезд в Японию и взял с собой все документы, чтобы получить этот груз, если он найдется. Конечно, в 1925 г. (т.е. через 11—12 лет) не только груза, но и самого агентства Добровольного флота в Цуруга не было. Так и пропало все, в чем убедился сам Л.Я.Штернберг. Поэтому продолжать поиски бесполезно. Вероятно, отчет был отправлен вместе с коллекцией. С приветом, Н.Конрад»⁷⁸.

Комментируя это письмо, Ю.В.Ионова полагает, что «отчет, в котором содержатся сведения о шаманстве», идентичен отчету Н.И.Конрада, датируемому началом 1915 г. и сохранившемуся в ПФ АРАН.

В 1915—1916 гг. Н.И.Конрад собирал также материалы по семейной обрядности, по народной медицине, по корейским приметам, связанным со сновидениями. Значительно расширились его познания по традиционным верованиям и культам.

Оценивая этот период своей научной деятельности, Н.И.Конрад спустя полвека писал: «Трехлетнее пребывание в Японии с периодическими поездками в Корею и один раз — в Китай и стало для меня периодом новой и на этот раз подлинной востоковедной учебы. Я узнал то, что никакой Восточный факультет — при тогдашнем составе его японоведов и китаеведов — дать мне не мог. Я вернулся в свой родной университет уже совсем другим человеком — на этот раз ученым; начинающим, конечно, совершенно неопытным, но все-таки ученым»⁷⁹.

Время работы в Корее было периодом интенсивного творческого поиска, неустанного труда по изучению культуры и этнографии корейского народа. Отдельные замечания, косвенные указания в сохранившихся работах и письмах позволяют утверждать, что в Корее Н.И.Конрад вел подробные дневники, записывал и переводил фольклор, составлял детальные описания убранства храмов, коллекционировал поздравительные новогодние открытки, благопожелательные надписи. Как нам представляется, им была написана специальная работа о корейском шаманстве. К сожалению, эти труды не сохранились или пока не найдены (а может быть, они пока скрыты от нас).

Материалы, собранные Н.И.Конрадом в 1915—1917 гг., были систематизированы в большой работе, которая со временем была озаглавлена им как «Очерки социальной и духовной культуры корейцев на рубеже XIX—XX веков»⁸⁰. Именно эта работа, как уже упоминалось, была опубликована в 1996 г. По своему характеру это сочинение принадлежит к исследовательскому, а не к дневниковому жанру, хотя в работе немало упоминаний и ссылок на личные полевые наблюдения автора. Так, например, характеризуя корейское дворянство, а также среднее сословие, низшие группы и париев *пэжчон*, Н.И.Конрад подчеркивает, что он обращал главное внимание на этнографический аспект их изучения. Определяя задачи своих наблюдений и своей работы, он писал, что постоянно стремился проследить жизнь этих сословий с точки зрения их быта, прав и привилегий, не юридических, а бытовых; показать, как эти права проявляются в укладе повседневной жизни и во всем обиходе населения. В случае необходимости Н.И.Конрад давал объяснения исторического характера.

Среди материалов, к которым обращается ученый в этом труде, — свидетельства по этнографии корейцев, проживавших в северо-западных провинциях страны. Возможно, эти данные были собраны им во время поездок в эти районы и в Китай. Так, например, характеризуя свадебные обычаи и обряды корейцев, проживавших в бассейне р. Амноккан, на границе с Китаем, он обращает внимание на бытование «обряда имущества», состоявшего в посылке брачных подарков невесте, который был символом и даже фактическим актом покупки невесты. По мнению Н.И.Конрада, обряды и обычаи покупки невесты появились у корейцев этого региона под влиянием китайцев. Он обращает внимание на то, что в этих районах вместо слов «отдать дочь замуж» говорят «продать дочь замуж»⁸¹.

Неоднократно Н.И.Конрад подчеркивает, что в основе его исследования — полевые этнографические материалы. Он сообщает, например, о том, что ему довелось присутствовать при совершении обряда совершеннолетия⁸². Автор описывает костюм юноши, который совершает этот обряд: «Что касается одежды, то совершеннолетний одевает холстинную одежду с рукавами и подпоясывает сверх нее большим, широким поясом из материи, напоминающей чесучу. Руки скрыты в ветках душистой дафны, перевязанной белыми веревками, на ноги надеваются вышитые матерчатые башмаки»⁸³. Наблюдал Н.И.Конрад корейские свадьбы, похоронные и поминальные обряды. Во время своего путешествия по провинции Чхунчхон он был свидетелем камлания шаманки. При описании корейских (конфуцианских) храмов ученый замечает, что посетил и подробно изучил 21 храм. Беседы с информантами наряду с личными наблюдениями были для него также важнейшими источниками. Так, например, характеризуя обряды в честь предков, Н.И.Конрад отмечал, что описания обрядов были составлены им на основании многократных расспросов. Россыпь подобных замечаний, как бы незаметных пометок на полях, придает особую ценность работе. Их значимость особенно возрастает для нас и в силу того, что дневники его путешествий по Корею утрачены.

Н.И.Конрад использовал также исторические и литературные источники, о некоторых из них он упоминает в сочинении. Очевидно, автор пользовался семейными родословными и конфуцианскими книгами. Словом, круг источников был разнообразным и широким. Но, несомненно, наиважнейшими были личные полевые этнографические наблюдения.

Работа Н.И.Конрада отличается широтой проблематики и включает исследования родственных отношений, корейских имен, основных классов и сословий корейского общества в на-

чале XX в. Характеризуя семейную обрядность корейцев, он наиболее детально рассматривает обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка, а также «четыре церемонии»: обряды совершеннолетия, свадебный, похоронный и обряды, сопровождающие поминание предков. Религиозные воззрения корейцев Н.И.Конрад прослеживал на примерах святилищ, памятников, он исследовал народный религиозный пантеон, культ тигра; его внимание привлекали игры и развлечения и календарные обычаи. Богатейшие материалы были им систематизированы по народной медицине. Уникальными представляются собранные Н.И.Конрадом приметы корейцев, связанные со сновидениями, а также отражавшие их отношение к различным явлениям природы.

Словом, несомненно, что свидетельства по исторической этнографии корейцев, систематизированные Н.И.Конрадом, имеют непреходящую ценность. Труд Н.И.Конрада — ценнейший источник по культуре, быту и исторической этнографии корейцев на рубеже XIX—XX вв.

Значение корейских материалов Н.И.Конрада особенно возрастает сегодня. И для такого утверждения есть несколько причин. Во-первых, с глубоким сожалением необходимо констатировать: Н.И.Конрад был последним из русских этнографов, работавших в Корее. С тех пор и в дореволюционное время, и в годы советской власти, вплоть до сегодняшнего дня, наши отечественные этнографы не имели возможности проводить полевые исследования в Корее. Во-вторых, монография Н.И.Конрада, созданная в значительной своей части на полевых материалах, запечатлела важный этап в развитии традиционной культуры корейцев.

К своим корейским этнографическим материалам Н.И.Конрад на протяжении жизни обращался неоднократно. Несомненно, он осознавал ценность собранного им полевого этнографического материала. Он имел также возможность видеть, что на многие десятилетия изучение традиционного быта и культуры корейцев было отодвинуто в советском корееведении на второй план. Возможно, в разные периоды жизни (наверное, в 50—60-х годах) Н.И.Конрад стремился подготовить к публикации всю рукопись или ее отдельные фрагменты, оставаясь при этом все время в контексте первоначального основного текста «Очерков». Так, им была написана работа «Социальная организация в Корее», рукопись которой также хранится в Архиве РАН. Машинописный вариант статьи насчитывает 32 страницы. Статья охватывает материалы, частично представленные в первых разделах «Очерков»⁸⁴.

В эпистолярном наследии Н.И.Конрада сохранились высказывания, свидетельствующие о том, с какой симпатией он относился к Корее и корейцам, с каким ностальгическим чувством и нежностью он вспоминал о годах, проведенных в Стране Утренней Свежести; воспоминания о его стремлении вновь заняться этнографией корейского народа, о желании увидеть публикацию «Очерков».

Знакомство с корейскими материалами Н.И.Конрада помогает восстановить трагически разорванную, насильственно порушенную «связь времен». И вновь молодой Николай Конрад передает нам эстафету, полученную им от титанов русского этнографического востоковедения, от своих учителей, среди которых были А.И.Иванов, С.Ф.Ольденбург, В.В.Радлов, В.А.Котвич, Л.Я.Штернберг, определившие его путь этнографа, востоковеда, философа истории культуры, ученого-гуманиста.

С того времени, когда Н.И.Конрад собирал этнографические материалы в Корее, прошло не одно десятилетие. За эти годы, особенно начиная с 50-х годов, советские ученые-корееведы обратились к изучению этнографии, мифологии, культуры корейского народа. Сделано немало. Но даже в контексте сегодняшнего дня корейские записи Николая Конрада не утратили своей значимости, научной новизны — и как этнографические источники, и как исследования. Более того, представляется несомненным, что дальнейшее, более глубокое знакомство с этими материалами станет настоящим открытием, нашим приобщением к дотолем от нас сокрытым, но столь необходимым для нашей науки знаниям.

Глубокий интерес и симпатии Н.И.Конрада к Корее, к ее истории, культуре, этнографии сохранялись у него всю жизнь. Примечательно его письмо (от 6 мая 1956 г.), адресованное А.А.Ахматовой, по случаю выхода книги «Корейская классическая поэзия» (М., 1956) в ее переводе. «Глубокоуважаемая Анна Андреевна! От души благодарю Вас за "Корейскую поэзию". Этот Ваш подарок мне дорог вдвойне: поэзия эта создана народом, среди которого я прожил несколько очень хороших лет и который я очень люблю, русский же облик этой поэзии создан Вами, творчество которой уже давно и прочно вошло в мое сознание, как, вероятно, и очень, очень многих людей, особенно — тех, кому выпало счастье быть Вашим современником. Спасибо. Н.Конрад»⁸⁵.

Еще в 40-х годах Н.И.Конрадом была написана работа «Очерки по истории стран Восточной Азии в средние века», впервые опубликованная посмертно только в 1974 г.⁸⁶. «Очерки» состоят из двух самостоятельных разделов: «IV и VII вв. в истории наро-

дов Восточной Азии» и «Из истории средних веков Восточной Азии». В центре исследования история трех стран (и их народов) — Китая, Кореи и Японии. Основная идея работы — показ многосторонних связей между народами Китая, Кореи и Японии, столь значимых, что они могут быть поняты только в контексте истории региональной. Впервые в нашей науке средневековая история Кореи рассматривалась в столь полном объеме, а также, что очень важно, в контексте региональной политической, этнической и культурной истории народов Восточной Азии. Подобный подход получил высокую оценку в отечественном корееведении⁸⁷.

Только в 1974 г. был опубликован и отзыв-рецензия Н.И.Конрада (конец 1955 — начало 1956 г.) на рукопись М.Н.Пака «О характере социально-экономических отношений в Силла в период Трех государств», в которой он дает не только высокую доброжелательную оценку работы М.Н.Пака, но и излагает свое видение истории Кореи периода Трех государств (I в. до н.э. — VII в. н.э.)⁸⁸. Положительная рецензия Н.И.Конрада способствовала публикации новаторской статьи М.Н.Пака в журнале «Вопросы истории» (1956, № 7). Более того, как нам представляется, она дала «зеленый свет» развитию послевоенной отечественной корееведческой исторической науки.

В архиве М.Н.Пака сохранилось адресованное ему письмо Н.И.Конрада, написанное в связи с выходом в свет (1959 г.) перевода на русский язык корейской летописи «Самгук саги» (XII в.) Ким Бусика⁸⁹. Н.И.Конрад писал: «18.1.60. Многоуважаемый Михаил Николаевич! Благодарю Вас за "Самгук саги". Вот — настоящая капитальная работа. Поздравляю Вас с исполнением того замысла, который возник у Вас, как помнится, много лет назад. Желая, чтоб и другие Ваши научные замыслы столь же успешно осуществлялись. Думаю, что Ваша работа во всех ее частях получит большой отклик в Корейской Республике. С приветом Н.Конрад»⁹⁰.

Знакомство с «корейским наследием» ученого открывает нам еще одну грань его светлого таланта, помогает понять историю развития отечественного востоковедения. Мы узнаём Н.И.Конрада — и как этнографа, и как корейста.

* * *

Академик Н.И.Конрад оказался в числе немногих уцелевших востоковедов старшего поколения. Через всю жизнь он пронес в себе память и боль о погибших друзьях. Сила его духа, возможно, по-настоящему раскрывается перед нами только сейчас — через официальные документы, воспоминания, письма. «Такие

люди, как Николай Иосифович, важны для нас — как образец важны, и не частностями только, а самой сутью, той — в глазах многих — старомодной сутью, в основе которой любовь к человеку и вера в него, — писал о своем учителе Б.Б.Вахтин. — Он был из тех людей, самый тип которых почти совершенно исчез, а возродится ли когда — неведомо»⁹¹.

¹ Отметим автобиографические зарисовки-воспоминания Н.И.Конрада: Когда и как я стал востоковедом. — Народы Азии и Африки. 1967, № 5, с. 237—241; О встрече с Такахаси Тэммин. — Там же. 1979, № 2, с. 148—153.

² См. последние работы: *Алпатов В.М.* Николай Иосифович Конрад. — Восток. 1991, № 2, с. 69—83; Н.И.Конрад — В.М.Константинову. Из писем. Вступит. ст., сост. и примеч. С.З.Чугрова. — Восток. 1991, № 2, с. 84—88; *Сорокина М.Ю.* Памяти Н.И.Конрада. — Известия Отделения литературы и языка РАН (далее — ОЛЯ РАН). 1991, № 6, с. 569—572; *Чигринский М.Ф.* Забытый энциклопедист. — Наука и религия. 1991, № 8, с. 5—7; *Алпатов В.М.* Три япониста. — Знание — сила. 1992, № 1, с. 105—113; Из истории филологической науки: письма Н.И.Конрада. Публ. В.М.Алпатова и М.Ю.Сорокиной. — Известия ОЛЯ РАН. 1992, № 6, с. 69—96; *Вяткин Р.В.* Из переписки академика Н.И.Конрада. — Проблемы Дальнего Востока. 1993, № 3, с. 148—152; Николай Иосифович Конрад, 1891—1970. Автор вступит. ст. И.А.Воронина. Сост. Р.И.Кузьменко. М., 1994 (Материалы к биобиблиографии ученых России. Сер. лит-ры и языка. Вып. 20); *Тамашишвили А.О.* К столетию Н.И.Конрада. — Япония. Ежегодник. 1991—1992. М., 1994, с. 195—212; *Сорокина М.Ю.* Н.И.Конрад: жизнь между Западом и Востоком. — Трагические судьбы членов АН СССР. М., 1995, с. 128—143; К истории одной не состоявшейся публикации (Переписка Н.И.Конрада с Б.Б.Вахтиным). Публ. М.Ю.Сорокиной. — In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М. — СПб., 1995, с. 292—336; *Джарылгасинова Р.Ш.* Вклад Н.И.Конрада (1891—1970) в изучение корейской культуры и этнографии. — Major Issues in the History of Korean Culture (Proceedings of the 3-rd International Conference on Korean Studies. Moscow, December 17—20. 1996). М., 1997, с. 165—171 (резюме на кор. яз.).

³ *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. Отв. ред. В.М.Алпатов, А.И.Клибанов. Сост. М.Ю.Сорокина и А.О.Тамашишвили. М., 1996.

⁴ По другим данным, в д. Жуковка Орловской губернии.

⁵ *Конрад Н.И.* Когда и как я стал востоковедом, с. 240.

⁶ Практическая восточная академия существовала в Петербурге с 1909 по 1917 г.

⁷ *Конрад Н.И.* Когда и как я стал востоковедом, с. 240—241.

⁸ Современная начальная школа в Японии. — Журнал Министерства народного просвещения. 1913, авг., с. 129—199; сент., с. 1—44; окт., с. 145—185; отд. отт. СПб., 1913.

⁹ *Конрад Н.И.* Когда и как я стал востоковедом, с. 241.

¹⁰ Впервые письма Н.И.Конрада Н.А.Невскому опубликованы: *Biblia. Bulletin of the Tenri Central Library.* 1974. March, № 56; цит. по: *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы, с. 255.

¹¹ *Новогрудский Н., Дунаевский А.* По следам Пау. М., 1962, с. 76, 77; *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988, с. 55—56.

¹² *Конрад Н. И.* Неопубликованные работы, с. 256—257.

¹³ Записки Орловского университета. Сер. общ. наук. Вып. 1. Орел, 1921, с. 315—376. Об орловском периоде жизни Н. И. Конрада см.: *Саран А. Ю.* Н. И. Конрад в Орле. — Орловщина: Время и бремя реформ (прошлое, настоящее, будущее). Материалы научно-практической конференции. Орел, 1992, с. 153—162; *он же.* Проблемы биографических исследований Орловщины. — Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994, с. 284—292.

¹⁴ См.: АРАН, ф. 1675.

¹⁵ *Бахтин М. М.* и *Каган М. И.* По материалам семейного архива. Публ. К. Невельской [Ю. М. Каган]. — Память: Исторический альманах. Вып. 4. М., 1979 — Париж, 1981, с. 258.

¹⁶ *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. Л., 1982, с. 29—30.

¹⁷ *Филиппов Б.* Всплывшее в памяти. Л., 1990, с. 143.

¹⁸ См.: Восток. 1923. Кн. 2.

¹⁹ Архив А. М. Горького. ИМЛИ РАН. Фонд А. Н. Тихонова, № 70615.

²⁰ Там же, № 70630.

²¹ Там же, № 70630, 70632.

²² Там же, № 70661.

²³ Там же, № 70659.

²⁴ Там же, № 70648.

²⁵ Там же, № 70690, 70691, 70694, 70700, 70786, 70788.

²⁶ *Филиппов Б.* Всплывшее в памяти, с. 143.

²⁷ Подробнее см.: *Баньковская М. В.* «Малая Академия» в Азиатском музее. — Народы Азии и Африки. 1985, № 3.

²⁸ *Гуревич П., Махлин В.* Пророк в своем Отечестве. — Советская культура. 22.07.1989, с. 6.

²⁹ ПФ АРАН, ф. 208, оп. 2, д. 128, л. 1 — 1об.

³⁰ *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1972, с. 488.

³¹ ГАРФ, ф. 7668, оп. 1, д. 218, л. 34.

³² *Конрад Н. И.* Неопубликованные работы, с. 173—174.

³³ Библиография Востока. Вып. 8—9. М.—Л., 1936, с. 139.

³⁴ См.: Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20—50-е годы. — Народы Азии и Африки. 1990, № 4, 5.

³⁵ АРАН, ф. 402, оп. 1—1938, д. 6, л. 71—79.

³⁶ Личный архив Б. Б. Вахтина.

³⁷ ПФ АРАН, ф. 7, оп. 1, д. 247 (п. 28). Постановление Президиума АН СССР об исключении Н. И. Конрада из состава сотрудников Института востоковедения АН СССР.

³⁸ См.: *Иванов Вяч. Вс.* В поисках утраченного. — Наше наследие. 1989, № 1, с. 4.

³⁹ Сведения об аресте и заключении Н. И. Конрада приводятся на основании справки б. Управления КГБ по г. Ленинграду, полученной М. Ю. Сорокиной в сентябре 1991 г.

⁴⁰ Текст записки находится в личном архиве д-ра филол. наук В. М. Алпатов. В. М. Алпатов любезно предоставил возможность М. Ю. Сорокиной познакомиться с ним и опубликовать его фрагменты (см.: *Сорокина М. Ю.* Николай Конрад: жизнь между Западом и Востоком, с. 137—138).

⁴¹ *Конрад Н. И.* Неопубликованные работы, с. 274—275.

⁴² Там же, с. 119—168.

⁴³ *Вяткин Р. В.* Из переписки академика Н. И. Конрада, с. 148.

⁴⁴ АРАН, ф. 456, оп. 1, д. 241, л. 44 — 51.

⁴⁵ Герштейн Э. Мемуары и факты: Об освобождении Льва Гумилева. — Горизонт. 1989, № 6, с. 60.

⁴⁶ Н. И. Конрад — В. М. Константинову. Из писем..., с. 86.

⁴⁷ Конрад Н. И. Неопубликованные работы, с. 336.

⁴⁸ Из письма Н. И. Конрада Б. Б. Вахтину (1970 г.). — Личный архив Б. Б. Вахтина.

⁴⁹ Конрад Н. И. Избранные труды. Т. 1. История. М., 1974, 469 с; т. 2. Синология. 1977, 621 с; т. 3. Литература и театр. 1978, 461 с.

⁵⁰ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 80, л. 22 — 41 об.; ф. 1675, оп. 1, д. 9, 139 с.

⁵¹ Конрад Н. И. Очерки социальной организации духовной культуры корейцев на рубеже XIX—XX веков. Подготовка текста, послесловие и комментарии Р. Ш. Джарылгасиновой. — Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996, с. 17 — 107, 449 — 464.

⁵² Гарин Н. Г. Карандашом с натуры. — Мир Божий. 1899. № 2—7, 10—12; он же. По Корее, Манчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры (с очерками «Вокруг света»). СПб., 1904; Корейские сказки. СПб. 1904.

⁵³ Описание Кореи. Ч. I—III. СПб., 1900.

⁵⁴ Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях был создан в Петербурге в 1903 г. Закончил свою деятельность в 1918 г. Подробнее см.: Скачков П. Е. Очерки истории..., с. 273—278.

⁵⁵ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 76, л. 23, 23 об.

⁵⁶ Там же, л. 23.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Здесь (и далее) в цитируемом документе использованы японские чтения корейских топонимов. Поэтому в скобках нами приведены исконные корейские наименования географических пунктов и историко-географических понятий.

⁶⁰ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 76, л. 23, 23 об.

⁶¹ Там же, д. 81, л. 10.

⁶² Конрад Н. И. Когда и как я стал востоковедом, с. 241.

⁶³ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 76, л. 37.

⁶⁴ Там же, л. 38.

⁶⁵ Все эти корейские топонимы записаны Н. И. Конрадом иероглифами.

⁶⁶ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 76, л. 38.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, д. 81, л. 41.

⁶⁹ У этого рукописного отчета Н. И. Конрада непростая судьба. Как известно, он хранится в ПФ АРАН в фонде Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии среди материалов, относящихся к 1915 г. Текст формально не имеет заголовка, не названо имя автора, т. е. рукопись продолжает оставаться анонимной. Конечно, и Н. И. Конрад и его близкие друзья знали, что рукописный отчет, датированный 1915 г., хранится в АРАН, знали они и о том, что работа принадлежит Н. И. Конраду. Но, очевидно, с конца 30-х годов, в силу известных обстоятельств, о ней как бы «забыли». Работа попала в зону умолчания. Только во второй половине 50-х годов в научной литературе появляется первое упоминание о ней. О том, что эта работа принадлежит Н. И. Конраду, в послевоенные годы одной из первых написала О. П. Петрова. Во «Введении» к труду «Описание письменных памятников корейской культуры. Выпуск I» (М.—Л., 1956, с. 12) при характеристике традиционной корейской антропонимии О. П. Петрова цитировала небольшой фрагмент из этой рукописи Н. И. Конрада,

которую она определяла как «Отчет за 1915 г. Н.И.Конрада Русскому комитету по изучению Средней и Восточной Азии о его командировке в Корею». В сноске к приведенному фрагменту о корейских именах О.П.Петрова обозначает цитируемую работу как «рукопись Н.И.Конрада» (!). Так было восстановлено, подтверждено в научной публикации авторство Н.И.Конрада, в течение почти двух десятилетий сокрытое от исследователей. И в этой связи хочется высказать предположение, что, возможно, титульный лист с названием отчета, а также с именем автора в конце 30-х годов, после того как в 1938 г. Н.И.Конрад был арестован, а затем сослан в лагерь, был кем-то изъят и спрятан для того, чтобы сохранить всю работу... С начала 60-х годов к рукописному отчету Н.И.Конрада, датируемому 1915 г., неоднократно обращалась Ю.В.Ионова, которая именует его как «Заметки о народных обычаях корейцев на основании личных наблюдений 1914—1915 гг.» (например: *Ионова Ю.В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в. М., 1982, с. 216). В авторстве Н.И.Конрада Ю.В.Ионова уже не сомневалась. В 1974 г. по просьбе вдовы ученого Н.И.Фельдман-Конрад с рукописи была снята ксерокопия, которая в настоящее время хранится в Москве в АРАН. Однако необходимо отметить, что хотя в ряде работ этот рукописный отчет Н.И.Конрада неоднократно цитируется, полностью он до сих пор не опубликован.

⁷⁰ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 81, л. 52.

⁷¹ Очевидно, речь идет о японских коллекциях, собранных Н.И.Конрадом в Японии для МАЭ.

⁷² ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 81, л. 29 — 30.

⁷³ Там же, д. 85, л. 9.

⁷⁴ *Ионова Ю.В.* История формирования и характеристика корейского фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. — Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. — Сб. МАЭ. Т. 41. Л., 1987, с. 15.

⁷⁵ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 88, л. 7.

⁷⁶ *Ионова Ю.В.* История формирования..., с. 14.

⁷⁷ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 93, л. 44. Русский текст телеграммы написан латиницей, адрес — на англ. яз.

⁷⁸ *Ионова Ю.В.* История формирования..., с. 14—15. Письмо хранится в личном архиве Ю.В.Ионовой.

⁷⁹ *Конрад Н.И.* Когда и как я стал востоковедом, с. 241.

⁸⁰ АРАН, ф. 1675, оп. 1, д. 9. Знакомство с этой работой свидетельствует о том, что перед нами полный текст исследования Н.И.Конрада по этнографии корейцев, который включает как составную, органическую часть и первоначальный отчет, так и новые главы и разделы. Объем работы по сравнению с первым отчетом увеличился по крайней мере в три раза. При описании отдельных корейских обрядов Н.И.Конрад сопоставлял их с японскими и китайскими традициями. Именно эта рукопись позднее была оформлена Н.И.Конрадом в монографию, получившую название «Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX—XX веков». После его смерти Н.И.Фельдман-Конрад обратилась к известному кореевед-лингвисту Л.Б.Никольскому (1924—1997) с просьбой дать корейскую транскрипцию на русском языке к многочисленным терминам, записанным иероглифически. Эта просьба была удовлетворена. Текст был заново перепечатан и предложен к публикации. Однако работа вышла в свет только в 1996 г.

⁸¹ *Конрад Н.И.* Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев, с. 53—54.

⁸² Там же, с. 51.

⁸³ Там же, с. 51—52.

⁸⁴ АРАН, ф. 1675, оп. 1, д. 9, л. 32.

⁸⁵ *Конрад Н. И.* Неопубликованные работы, с. 322.

⁸⁶ *Конрад Н. И.* Очерки по истории стран Восточной Азии в средние века; *он же.* Избранные труды. Т. 1. История, с. 325 — 460.

⁸⁷ Например: *Пак М. Н.* Проблемы корейского и японского феодализма в работах Н. И. Конрада. — Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1988, № 4, с. 22—23.

⁸⁸ *Конрад Н. И.* О работе М. Н. Пака «О характере социально-экономических отношений в Силла в период Трех государств». — *Конрад Н. И.* Избранные труды. История, с. 170—180.

⁸⁹ *Ким Бусик.* Самгук саги («Исторические записи Трех государств»). Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М. Н. Пака. М., 1959 (Серия «Памятники литературы народов Востока». Тексты. Большая серия. I).

⁹⁰ Личный архив М. Н. Пака.

⁹¹ АРАН, ф. 1676, оп. 1, д. 277, л. 1.